

Интернет-журнал «Общество, государство, право» ISSN 2309-4265 <http://gosuprav.ru/>

Выпуск 4 - 2014 <http://gosuprav.ru/issue-4-14-2014.html>

URL статьи: <http://gosuprav.ru/PDF/04OGP414.pdf>

УДК 355/359

Родачин Владимир Михайлович

НОУ ВПО «Институт государственного управления, права и инновационных технологий»

Россия, Москва

Заведующий кафедрой гуманитарных и общенаучных дисциплин,

Доктор философских наук, профессор

E-mail: rodvm@yandex.ru

Содоклад:

«Духовная сторона войны: понятие, содержание в условиях Первой мировой войны 1914-1918 годов»

Аннотация. В статье рассматривается духовная сторона войны вообще, как общественный феномен, и ее структурные составляющие, а также содержание духовной стороны Первой мировой войны. Последняя анализируется на основе трудов и исследований в этой области русских ученых и военачальников, ее современников и участников войны. Соотношение материальных и духовных факторов, сил в войне. Ошибочность как принижения, так и преувеличения духовных факторов в войне. Отсталость, косность, военно-политического мышления русского руководства перед Первой мировой войной, особенно в понимании природы, характера, продолжительности предстоящих сражений, и его негативное влияния на ход и исход войны. «Патронный» и «снарядный» голод в русской армии как следствие недальновидности верховного главнокомандования и просчетов планирования. Новые требования к психологии, уровню образования и культуры армии в условиях технологизированной войны. Головин Н.Н. о морально-психологическом состоянии армии и общества: влияние на ход и исход войны, разработка и апробация им методологии оценки моральной упругости войск. Идеино-теоретические и идеологические предпосылки Первой мировой войны. Духовная неоднородность и разобщенность элитарного и массового сознания в России как деструктивные факторы ведения войны. А.А. Брусилов о необходимости моральной подготовки войск и общества к войне. Информационно-психологическая война как феномен Первой мировой войны 1914-1918 гг. Духовные последствия Первой мировой войны

Ключевые слова: духовная сторона войны; духовные факторы; влияющие на ведение войны; духовные предпосылки и условия развязывания войны; психология войны; идеология войны; геополитические доктрины как фактор агрессивной военной политики; духовная мобилизация общества; морально-психологическое состояние общества и армии; морально-психологическая подготовка к войне; духовный смысл войны; моральная упругость войск; информационно-психологическая война; духовные последствия войны; гуманитарный кризис; кризис культуры; «потерянное поколение»; память об участии России в Первой мировой войне как ценность патриотического самосознания.

Важнейшей стороной всякой войны является ее духовная составляющая. Эта истина хорошо всем известна, хотя зачастую о ней забывают, относясь также как и к духовным вопросам и культуре вообще, - по остаточному принципу. Редко можно встретить официальную или авторскую историю различных войн, где бы должное внимание уделялось их духовному содержанию.

Первая мировая война в этом плане не исключение. Очень немного работ, раскрывающих ее духовные аспекты. Они до сих пор остаются на периферии научных исследований. Подавляющее большинство оглавлений издаваемых книг, посвященных войнам, как показывает их анализ, отражают вопросы стратегии и тактики, оперативных замыслов и хода боевых действий, военных операций, военно-технического оснащения армий, полководческого искусства, финансирования войны, экономики тыла, и др.

Между тем духовная сторона войны имеет далеко не второстепенное значение. Особенно сегодня! И важно, в процессе возрождения в отечественном сознании памяти об участии России в Первой мировой войне, посмотреть на это в том числе через призму духовных факторов, опираясь на труды и исследования в этой области русских ученых и военачальников, ее современников и участников войны. Эта задача весьма актуальна, поскольку забыта не только Великая война, но и отечественное идейное наследие о ней, осмысленный военный опыт тех лет.

Анализ духовных аспектов Первой мировой войны для нас крайне важен, поскольку в событиях тех лет впервые проявили себя тенденции и факторы, получившие развитие в современных условиях и буквально перекликающиеся с прошлым.

Перед их непосредственной характеристикой нельзя не обратить внимание на сам термин «духовная сторона войны», введенный в научный оборот отечественными военачальниками и учеными, а также на соотношение духовных и материальных факторов в войне. Видный ученый, генерал-лейтенант Н.Н. Головин, обращаясь к проблеме духовной стороны войны писал: «Изучение духовной стороны войны можно вести в двух направлениях: во-первых, можно исследовать изменения в деятельности и в свойствах человека, которые происходят в нем под влиянием обстановки войны; во-вторых, можно изучать самые явления войны, взяв каждое из этих явлений, как нечто органически целое; например, исследование того внутреннего процесса, который происходит в бою в каждой из дерущихся сторон. Первый род исследований можно назвать индивидуальной военной психологией, второй - коллективной военной психологией»¹. Знание их механизмов, по убеждению Н. Головина, помогает успешнее решать боевые задачи в ходе войны.

Солидаризуясь с идеями Н.Н. Головина, Атаман войска Донского П. Краснов выделял в духовной стороне войны, прежде всего, «дух военачальников» и «дух войск», выраженных в индивидуальных и коллективных знаниях, эмоциях, чувствах, верованиях, волевых компонентах². «Главное чувство, которое царит над всеми помыслами на войне, в предвидении боя и в бою, - это чувство страха. К нему примыкает, усугубляя его, а иногда парализуя его, чувство физической и душевной усталости, ибо нигде не напрягаются так все силы человеческие, как на войне»³. Что касается страха, то он имеет не только физиологическую, но и нравственную природу, выражаясь в боязни малодушия, краха карьеры, потери чести. Причиной самоубийства генерала Самсонова, как пишет П. Краснов, стало овладевшее им

¹ Головин Н.Н. Обширное поле военной психологии / Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы: Российский военный сборник. Выпуск 13. Составитель: И.В. Домнин. - М.: Военный университет, Независимый военно-научный центр «Отчество и воин», 1999. - С.15.

² Краснов П.Н. Душа Армии. Очерки по военной психологии. - Берлин: Медный Всадник, 1927.

³ Там же. - С. 42.

чувство страха за позор, связанный с катастрофой армии, окружением немцами XV корпуса»⁴. Раскрывая составные компоненты и факторы духовной стороны войны П.Н. Краснов указывал на важность «веры в превосходство своего вооружения и своего обучения, и еще того более веры в знания, опыт и удачливость (счастье) своего вождя». В этом, по его оценке, «есть великий моральный залог успеха в войне»⁵. Кроме того, им признавалась «поддерживающая и морализующая роль религии» в войне, указывалось на важность «обработки общественного мнения в предвидении войны» и «духовного единства общества», как условия военных успехов и победы⁶.

В оценке соотношения материальных и духовных факторов победы в войне, русской военной наукой и школой традиционно отдавался приоритет духовным факторам над материальными. Роль и значимость духовной стороны войны образно выразил по поводу Первой мировой войны известный русский публицист Михаил Осипович Меньшиков (1859-1918), сказав, что «воюют не тела, а души»⁷.

Победа в войне, как отмечал Николай Александрович Бердяев, достигается не только «силой материальной, военной, экономической», но «и силой нравственной, силой духа, силой правды»⁸. Эти истины неоспоримы, если их рассматривать в диалектической увязке друг с другом.

Вместе с тем, было бы неправильным преувеличивать роль духовных факторов и сил в войне, тем более противопоставляя их материальным, что было характерно для убеждений большинства военно-политической элиты России перед Первой мировой войной.

Выражая общие настроения, министр земледелия Александр Васильевич Кривошеин призывал «больше верить в русский народ и его исконную любовь к родине, которая выше всякой случайной неподготовленности».

Генерал П.Н. Краснов в книге «Душа армии» писал, что «вся Суворовская «наука побеждать» проникнута идеей значения духовной стороны». Как бы «ни совершенствовались технические орудия войны,..- главной силой, решающей успех сражения и выигрыш всей кампании, был, есть и будет человек, как воин и боец, как совокупность человеческих душ - общество, как нация, с ее душою и силою сопротивляемости». Не странно ли, - подчеркивал П.Н. Краснов, - «что в 1914 - 1916-ые годы Русская армия, слабая тяжелой артиллерией, почти не имевшая аэропланов, без снарядов и патронов, ибо были дни в 1916-м году, на Днестре и Пруте, когда я, на конно-горную батарею, входившую в состав Высочайше вверенной мне 3-ей бригады Кавказской Туземной дивизии, имел всего по семи выстрелов на орудие в день, — наша армия, иногда не имевшая даже ружей на всех бойцов, — оборонила Варшаву, взяла Перемышль, пробилась через Карпатские горы в Венгерскую долину, отражая иногда камнями, за неимением патронов, австро-венгерские атаки»⁹.

Россия заметно отставала от передовых в технически отношении держав не только по качеству и количеству вооружений, материальных запасов, но и по качеству военно-политического мышления, особенно в непонимании природы будущей войны, отличаясь отсталостью и косностью.

⁴ Там же. – С. 54.

⁵ Краснов П.Н. Душа Армии. Очерки по военной психологии. – Берлин: Медный Всадник, 1927. – С. 77.

⁶ Там же. – С. 79-80.

⁷ Меньшиков М.О. Война и здравый смысл (15 февраля 1914) // Первая мировая война в русской литературе. Антология /Сост.: Г.Н. Красников, К.К. Семенов. – М.: Издательский дом «Вече», 2014. – С. 27.

⁸ Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. – С. 251.

⁹ Краснов П.Н. Душа Армии. Очерки по военной психологии. – Берлин: Медный Всадник, 1927. – С. 37.

Характерен в этом плане эпизод 21 февраля 1912 года, когда Николай II посетил в Михайловском артиллерийском училище лекцию полковника Владимира Фёдорова, который в этот период весьма активно работал над созданием автоматической винтовки. Покидая аудиторию, император сказал конструктору, что он против применения в армии нового оружия, поскольку для него не хватит патронов.

Кстати, утвержденные в 1908 году нормы ружейных боеприпасов далеко не соответствовали реальным потребностям армии в изменившихся способах ведения войны. К войне запасали около трёх миллиардов патронов на все винтовки и пулеметы, из расчета расхода 3 миллиона штук еженедельно. Но 23 января 1915 начальник артиллерийских снабжений Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Голицын телеграфировал в Ставку: «Еженедельно требуется не менее 19 миллионов патронов» (в 6 раз больше планировавшихся расходов!). К 1 сентября 1915 г. расход патронов вырос до 39 миллионов в неделю (в 13 раз больше!). Подобные несоответствия касались и запасов снарядов, пулеметов, тяжелой артиллерии, другой боевой техники.

«Величайшая Империя, - подчеркивал А.А. Керсновский, - два столетия держалась на магическом обаянии трех слов. И эти три слова были: граненый русский штык». Он выражал, словами ученого, «моральное могущество русской армии». Но в современной войне требовалось еще и материальное ее могущество, которое зиждилось, по словам Керсновского, на силе огня¹⁰. В противоположность густой концентрации, «насыщенности» германской огневой тактики, писал он, — русская огневая тактика поражала своей слабой концентрацией, своим так сказать «жидким раствором».

Вместе с тем, война 1914-1918 гг. предъявила новые требования к духовным качествам народа и армии, показала возросшую роль уровня культуры и образования в условиях технологизации военных действий.

Еще при осмыслении уроков русско-японской войны 1904-1905 годов генерал Борис Александрович Штейфон писал: «К началу XX века развивавшаяся мировая техника ввела в обиход военного дела такие факторы, как скорострельную артиллерию, пулеметы, усовершенствованные средства связи. Для усвоения всех этих новшеств требовались соответствующие психологическая подготовка, военный кругозор. Чтобы побеждать, одной храбрости или лихости было недостаточно. Война потребовала не только специальных знаний, но и повышенного общекультурного уровня всей армии.¹¹

Между тем, Россия оставалась преимущественно крестьянской страной. Городское население составляло 13,3% в 1914 г. (во Франции - 40%, в Германии — 54%, в Британии — 80% от общего населения). Страна была малообразованной, уровень грамотности в России составлял 30 процентов (как в Англии середины XVIII в.). Из тысячи призывников в России 270 были неграмотными (в Италии — 330 человек, в Австро-Венгрии 220, во Франции — 68, в Германии — 1).

Заметный вклад в разработку проблематики духовной стороны войны внес генерал-лейтенант Н.Н. Головин. Он был убежден в недопустимости преувеличения духовной стороны в условиях появления оружия массового поражения и технологизации войны. Указывая на такого рода ошибку, как следствие заостренности отечественного военного мышления, он писал: «Мы, которые гораздо больше говорили до 1914 года о главенствующем значении духовного момента в войсках, чем немцы, вступили на войну с артиллерийским вооружением

¹⁰ Керсновский А.А. Философия войны // М.: Издательство «АНКИЛ-ВОИН», РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК, 1995. – С. 47.

¹¹. Штейфон Б. Уроки русско-японской войны // Русско-японская война. Военный сборник. - 1930. - кн. 11. - с.216 – 227.

в два раза более слабым, чем германское, и этим самым понизили дух наших войск и придали полную уверенность в своей силе немцам при действиях против нас»¹².

Это убеждение разделял полковник, военный писатель и участник Первой мировой войны А.Л. Мариюшкин. «Техника, - отмечал он, - это бесспорная королева будущих сражений. Первая мировая война дала много примеров, когда исход боя решался одной артиллерией. Во время июльского наступления германцев в 1915 году немцы, наметив участок для прорыва на фронте 1 Русской армии в районе Цеханова, сосредоточили массу артиллерии против 1 Туркестанского корпуса. Обстрел был настолько внезапен и интенсивен, что в течение нескольких часов наши позиции, которые создавались месяцами, были буквально сровнены с землею, а защитники или уничтожены или были деморализованы и загнаны в убежища. Ни вывести людей, ни подвести резервов возможности не представлялось, и неприятельская пехота заняла наши окопы почти без выстрела. Это был год, когда русская артиллерия переживала снарядный кризис»¹³.

По выводам Н.Н. Головина, сущность причин, по которым Россия по окончании Первой мировой войны не оказалась в лагере победителей, лежит именно в области анализа ее «живой силы» — психического состояния и социального самочувствия военнослужащих на фронте и гражданского населения в тылу». Осознавая возросшую роль морально-психологического состояния войск в современной войне, Н.Н. Головин разработал и апробировал в Первой мировой войне методологию оценки «моральной упругости войск», помогавшую оценивать степень боеспособности войск. Она включает 5 объективных количественных показателей, которые успешно применялись в качестве аналитического инструмента в ходе боевых действий на фронте в 1915 году.

Первый показатель: заболеваемость войск. Данный показатель учитывает количество больных и раненых, процент выздоравливающих, зависящий от санитарного состояния войск, а также количество симулянтов и членовредителей. По санитарному состоянию русская армия была на достаточно высоком уровне. Однако, в 1917 г. по сравнению с предыдущими годами войны заболеваемость, особенно от инфекций, возросла в 21,5 раза. И это стало заметным фактором подрыва боеспособности войск.

Второй показатель: дезертирство. Если с начала войны до февраля 1917 г. общее число дезертиров составило 195 130 чел., то только за пять революционных месяцев (с февраля по июль) дезертировало свыше 150 тыс. чел. Т.е. в среднем за месяц в пять раз больше. К концу же войны на три части действующей армии приходилось не менее одного дезертира. Рост процента дезертирства – характерный признак разложения армии, падения морали.

Третий показатель: количество бежавших из плена военнослужащих. Во время Первой мировой войны общее количество российских плененных в Германии оценивается цифрой 1 400 000 человек. Из них попытки побега предприняли 442 офицера и 259 825 нижних чинов (из которых было поймано 418 офицеров и 199 530 нижних чинов), то есть бежал каждый седьмой – самый высокий показатель по всем воюющим армиям! Интересно отметить, что факт побега из плена воспринимался как проявление героизма, отмечался почетными нашивками на рукаве кителя и нередко служил основанием для внеочередного производства на вышестоящую должность. Наиболее известный случай – факт побега из плена генерала Лавра Георгиевича Корнилова в августе 1916 года (в плену был 1 год и почти 4 месяца, сделал 4 попытки побега).

¹² Головин Н.Н. Обширное поле военной психологии // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы: Российский военный сборник. Выпуск 13. Составитель: И.В. Домнин. – М.: Военный университет, Независимый военно-научный центр «Отчество и воин», 1999. – С. 16.

¹³ Мариюшкин А.Л. Помни войну: Вопросы современной и будущей войны // Философия войны. – М.: Издательство «АНКИЛ-ВОИН», РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК, 1995. – С. 107-108.

Он появился в Ставке в лохмотьях с орденом Святого Георгия 4 степени на груди. На следующий день он был награжден орденом Святого Георгия 3 степени. Уже 13 сентября 1916 г. он был назначен командиром 25 армейского корпуса (до плена командовал 48 дивизией, прозванной «стальной»). А.А. Брусилов писал, что «Корнилов свою дивизию никогда не жалел, во всех боях она имела ужасающие потери, но солдаты его любили и ему верили»¹⁴.

Четвертый показатель: содержание солдатских писем. Оно, по мнению Головина, является наиболее интегрированным показателем настроения солдатских масс. Например, в феврале 1916 г. анализ писем из армий Западного фронта дал следующую картину настроений в войсках: только 2,15% - демонстрировали угнетенное состояние; 30,25% - бодрое; 67,60% - уравновешенное и связанное со спокойной верой в конечный успех Русской армии.

Пятый показатель: процентное соотношение «кровавых потерь». Предел моральной упругости по этому показателю характеризуется цифрой 25%. Т.е. при 25% «кровавых потерь» военная часть неспособна к сопротивлению. По опыту Первой мировой войны эта цифра могла варьироваться в зависимости от национальности армии (для итальянской предел наступал при 5%), так и от различных категорий войск (например, для российской гвардии предел равен 91%, а для казачьих частей - 94%). Интегральный показатель для русской пехоты за всю войну 69%.

Говоря о духовной стороне войны нельзя обойти вниманием такой её компонент как идейно-теоретические предпосылки войны. В этом качестве впервые заявила о себе сформировавшаяся на рубеже XIX-XX веков *геополитика*. В лице ставших классическими доктрин её основоположников, которые послужили теоретическим обоснованием империалистической политики великих держав: «государств как пространственных организмов» немца Фридриха Ратцеля, «серединной Европы» шведа Рудольфа Челлена, «географической оси истории» англичанина Хэлфорда Макиндера, «морского могущества» американца Альфреда Т. Мэхена, и др.

Так, Ф. Ратцель исходя из понимания государства как живого пространственного организма, укорененного в почве, обосновал закон пространственной экспансии развивающихся государств, примером которого перед Первой мировой войной служила Германия. Он писал: «Народ растет, умножаясь в числе; страна - увеличивая свою территорию. Для увеличившегося населения необходимы новые пространства: оно перерастает страну». «Без земли не может быть прочного политического существования. Государства, существовавшие известное время без земли, лишь тогда становились великими державами, когда завладевали территорией, как это легко проследить в истории ламаизма, папства, калифата»¹⁵.

Рудольф Челлен в книге «Великие державы» впервые вводит термин «геополитика» и обосновывает теорию «геополитического подчинения малых стран великим державам». Будучи ярким пангерманистом, он отстаивал необходимость и неизбежность насильственного объединения Европы под эгидой Германии и формирования центрально-европейского «комплекса» («Срединной Европы»). Для объяснения причин противопоставления Германии (с одной стороны) и Франции и Англии (с другой) использовалась концепция Челлена о «юных» и «старых» народах. Вслед за Ф. Достоевским ученый считал «юными народами» русских и немцев, а «старыми» — французов и англичан. «Юные» немцы, по его мнению, должны овладеть среднеевропейским пространством и создать континентальное государство планетарного уровня, потеснив «старые» народы, иначе Германии не выжить в борьбе с такими геополитическими структурами, как Россия, Англия с колониями и США. Для этого народы, проживающие на территории Центральной Европы, должны объединиться в качественно новое

¹⁴ Бондаренко В. Герои Первой мировой. – М.: Молодая гвардия, 2013. – С. 189-192.

¹⁵ Ратцель Ф. Политическая география // <http://geopolitics.nm.ru/ratzel.html>.

политико-экономическое пространство, осью которого будут немцы, так как географическое положение Германии будет ее вынуждать защищать главные интересы всей Европы.

Английский географ Х. Дж. Маккиндер ввёл в научный оборот термин «Хартленд» (Heartland) для геополитического обозначения Евразии. Им сформулирован геополитический закон: кто господствует в Евразии, тот определяет мировую политику¹⁶. Как и современные западные геополитики, Маккиндер понимал, что военно-экономический контроль за Хартлендом невозможен без влияния на культуру и духовное состояние германского и российского обществ. Английский географ видел в России и Германии основную «континентальную опасность» для британских и вообще для англосаксонских, атлантических интересов. В самом начале XX века в военных и научных кругах Великобритании всерьёз заговорили об опасности русско-германского сближения.

Наряду с геополитическими учениями активно влияли на провоцирование Первой мировой войны и идеологические доктрины¹⁷. «Идеология, если дать ей самое общее и простое определение, - это система социально окрашенных идей, выражающих интересы и цели общественных групп и слоев населения, общества в целом»¹⁸. Экспансионистская, агрессивная идеология всегда была одним из мощных побудительных источников развязывания и ведения войны. «Идеи культа войны и силы, образа врага, государственного, расового, национального превосходства, регионального и мирового господства провоцировали и оправдывали агрессивную военную политику, обслуживали интересы войны»¹⁹. В этом плане особую роль играли идеологии милитаризма, воинствующего национализма, «пангерманизма», «панславизма», и ряд других.

Что касается идеологии милитаризма, то в 1912 г. в Германии привлекла к себе широкое внимание книга, озаглавленная «Наше будущее. Предостережение германскому народу». Ее автором был Ф. фон Бернгарди, тогдашний начальник одного из отделов в Генеральном штабе. Названия глав этой книги — «Право вести войну», «Обязанность вести войну», «Историческая миссия Германии», «Мировое господство или крах» — говорят сами за себя. С точки зрения Ф. Бернгарди, «завоевательная война» являлась «политической необходимостью» и, следовательно, «высшим долгом государства». Автор доказывал, что рейх, зажатый в тисках «неестественных» границ, никогда не сможет достичь своих целей без увеличения своего политического могущества, без расширения сферы своего влияния и без завоевания новых территорий. Куда бы мы ни обратили свой взор, твердил он, повсюду перед нами встает альтернатива: либо отказаться от наших целей, либо подготовиться к тому, что их придется добиваться оружием. Бернгарди цинично оправдывал вмешательство Германии во внутренние дела других государств, захват колоний и посприятие международных договоров ссылками на силу как «высшую этику». Он на все лады доказывал необходимость не ограничивать «германскую свободу действий» никакими предрассудками вроде международного права. «Мы должны... постоянно сознавать, — утверждал он, — что ни при каких обстоятельствах не должны избегать войны за наше положение мировой державы...»²⁰

Подобный стиль мышления и действий был присущ и императору Вильгельму II, политическим деятелям Германии той эпохи. Кайзер Вильгельм II прибегал к прямому вероломству. На полях доклада канцлера Бетман-Гольвега о ситуации на Балканах он сделал

¹⁶ Mackinder, H.J. The Geographical Pivot of History / H.J. Mackinder // The Geographical Journal. – 1904. – № 4. (23). – P. 427.

¹⁷ См.: Родачин В.М. Идеология и современные военно-политические процессы. Монография. – М.: ГА ВС, 1995. – 180 с.

¹⁸ Родачин В.М. Диалектика идеологии и войны: история и современность: Учебное пособие. – М.: ВПА имени В.И. Ленина, 1991. – С. 5.

¹⁹ Там же. – С. 13.

²⁰ Bernhardt F. von. Unsere Zukunft: Ein Mahnwort an das deutsche Volk. Stuttgart, 1912, S. 130.

надпись: «нужна, наконец, провокация, чтобы получить возможность нанести удар». И без обиняков приписал далее, что «при наличии более или менее ловкой дипломатии и ловко направляемой прессы таковую (провокацию) можно сконструировать... и ее надо постоянно иметь под рукой»²¹.

Было бы неправильно сводить все идеологическое оправдание войны к идеологии «прусской военщины», германского милитаризма. Определенное воздействие в пользу войны оказывали идеи колониальной экспансии великих держав, панславизма, пантюркизма, расизма, агрессивного национализма, и другие. Так, еще в 1890-е годы, по мере того как панславизм набирал силу, многие мыслящие люди видели в нём реальную опасность для самой России. Следует вспомнить предостережение К. Леонтьева: «Панславизм по-нашему есть весьма опасная возможность, приближение которой нам нет выгоды ускорять необдуманно. Панславизм если не одинаково, то в разной мере и в разном роде может стать вредным не только для Турции и Австрии, но и для самой России»²².

В целом роль идеологии в развязывании и оправдании мировой войны раскрыл И. А. Ильин. Он ввел понятие «публичная идеология войны», которая, по его оценке, «вся насквозь фальшива и искусственна» и представляет не что иное, как «идейный дурман, потребный ему для оправдания агрессии»²³.

Важные составляющие духовной стороны войны выделил при осмыслении начального этапа Первой мировой войны Иван Александрович Ильин в 1915 году. В их числе такие категории как «духовный подъём народа», «напряжение духовных сил», «духовный смысл» и «духовная оправданность войны», определяемые теми патриотическими, религиозными, идейными (справедливость, благо и т.д.) «мотивами, которые побуждают народ вести военные действия», а также «духовные последствия войны». Характеризуя духовные основы ведения войны и победы, как важный компонент духовной стороны войны, Иван Александрович Ильин в своей работе «Духовный смысл войны», написанной в 1915 году подчеркивал, что «победа может быть добыта только в результате духовного подъема, единения и духовного напряжения живых внутренних сил России». В осознании справедливых целей и мотивов, которые делают войну духовно оправданной - залог нашей духовной победы²⁴. С этим как раз у нас были проблемы.

Духовная неоднородность и разобщенность элитарного и массового сознания в России перед Первой мировой войной стала одним из факторов неготовности к войне и поражения в ней. Для нашей страны, в отличие от западных держав, было характерен раскол в политической и общественной элите, а также в интеллектуальных кругах на западников и славянофилов. Активно велась пораженческая подрывная пропаганда большевиками. «Россия была застигнута войной, - писал академик Владимир Михайлович Бехтерев, - в момент раздробления ее общественных сил на племенные, политические и социально-экономические группы, внутри которых также не имелось единства. Это раздробление подрывало и парализовало общественную волю»²⁵.

Кроме того, по оценке А.А. Керсновского, «Со второй половины XIX и начала XX столетия Дух России был поражен принижением Церкви и разложением Школы»²⁶. Последний фактор, связанный с кризисом системы российского образования, в том числе разрушением

²¹ Цит. по: Руге В. Гинденбург. Портрет германского милитариста. М., 1981, с. 39.

²² Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. – М.: Эксмо, 2007. – С.429.

²³ Ильин И.А. Духовный смысл войны. – М.: Типография Т-ва А.Д. Сытина, 1915.

²⁴ Там же. – С. 15.

²⁵ Бехтерев В.М. Моральные итоги Великой мировой войны. – Петроград, 1915. – С. 4.

²⁶ Керсновский А.А. Философия войны // М.: Издательство «АНКИЛ-ВОИН», РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК, 1995. – С. 84.

системы негосударственных образовательных учреждений, сегодня воспринимается как тревожный звонок и наводит на определенные размышления.

Одним из значимых, имеющих актуальное значение и для современности уроков Первой мировой войны, является обоснование необходимости основательной моральной подготовки войск и общества к войне. Без нее невозможно провести эффективную духовную мобилизацию, обеспечить необходимую и осознанную мотивацию армии и населения для успешного ведения войны.

Вместе с тем, системная моральная подготовка армии и общественности к будущей войне, по оценке генерала Алексея Алексеевича Брусилова, отсутствовала. Мы уступали противнику не только по технической оснащенности армии и флота. «Еще хуже была у нас подготовка умов народа к войне. Моральную подготовку народа к неизбежной европейской войне не то что упустили, а скорее не допустили... «Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову - как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал невразумительный ответ»²⁷. «Почему немцы из-за Сербии вздумали воевать, кто такие сербы не знал почти никто из солдат... Можно ли было при такой моральной подготовке к войне ожидать подъема духа и вызвать сильный патриотизм в народных массах? Чем был виноват наш простолудин, что он не только ничего не слышал о замыслах Германии, но и совсем не знал, что такая страна существует, зная лишь, что существуют немцы, которые обезьяну выдумали... Солдат понятия не имел о своей матушке России. Он знал свой уезд и, пожалуй, губернию, знал, что есть Петербург и Москва, но на этом заканчивалось его знакомство с Отечеством. Откуда же было взяться тут патриотизму, сознательной любви к великой родине?»²⁸

При осмыслении уроков русско-японской войны 1904-1905 годов генерал Борис Александрович Штейфон обратил внимание на ряд факторов «духовной стороны войны», которые повлекли негативное влияние на ее ход и исход²⁹. Прежде всего, на консерватизм и закостенелость «боевого мировоззрения» Куропаткина и других военачальников, которые руководствовались устаревшими представлениями о способах ведения войны – «психологически Куропаткин был в прошлом», в «воспоминаниях турецкой войны и среднеазиатских методов. Кстати, эта хроническая болезнь наших полководцев проявилась как в Первой, так и во Второй мировой войне. Заметно сказался на негативных результатах русско-японской войны, по оценке Б.А. Штейфона духовный разрыв между армией и обществом, с точки зрения приведения их сознания в состояние готовности вести войну. Если применительно к армии это было сделано, то общество осталось в состоянии «миролюбивого мещанства».

Свою, деструктивную роль в деморализации армии, которая выражается, по словам И. Ильина «в разложение ее воли и решимости»³⁰, сыграла информационно-психологическая война, ставшая новым фактором духовной стороны войны. По выводу ряда экспертов, мировая война 1914-1918 годов проявила себя как первое глобальное информационное и идеологическое противостояние. «В настоящей войне, - писал В.М. Бехтерев, борются два мировоззрения, из которых одно—германское—ставит интересы своего отечества выше всего на свете и стремится к возвеличению господства своего народа над всеми другими народами». «На почве узко-националистических взглядов, - развилась настоящая вакханалия человеко-

²⁷ Брусилов А. Мои воспоминания. - М., 1983. - С.70-71.

²⁸ Брусилов А.А. Мои воспоминания. — М.: Воениздат, 1983. - С. 83.

²⁹ Штейфон Б. Уроки русско-японской войны // Русско-японская война. Военный сборник. - 1930. - кн. 11. - с. 216 – 227.

³⁰ Ильин И.А. Духовный смысл войны, с.39.

ненавистничества»³¹. «Война, которая началась в конце июля 1914 года, - писал Н.А. Бердяев, - есть лишь материальный знак совершающейся в глубине духовной войны и тяжелого духовного недуга человечества»³².

Официальная пропаганда враждующих европейских стран, начиная с 1914-го, стала изображать врагов варварами, а своих – защитниками свободы и цивилизации. Политику и практику создания и внедрения в массовое сознание «образа врага» в Первой мировой войне основательно проанализирована в работах доктора исторических наук, профессора, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН. Елены Спартаковны Сенявской³³.

К началу Первой мировой войны сформировалась и технико-технологическая база для ведения массовой информационной войны. Изменились способы коммуникации войны. Телеграф, кинохроника и фотографии постоянно актуализировали и визуализировали войну. За счет новейших на тот момент средств коммуникаций война врывалась в повседневный быт тыла»³⁴. Не случайно после её окончания германский генерал Э. Людендорф резко осудил роль журналистов в войне³⁵.

Широкое применение в Первой мировой войне получила подрывная пропаганда как форма информационной войны. Немцы активно использовали ее для разжигания среди поляков, финнов, украинцев, кавказских и других народов националистических идей. Уже на второй неделе войны выделение Украины из состава России было названо официальной целью германской политики»³⁶. Широко распространялись брошюры с обозначением так называемых «освободительных» целей Германии в войне: "освобождение и обеспечение безопасности для народов, поработанных Россией, русский деспотизм должен быть отброшен к Москве". Особое внимание с оказанием финансовой поддержки Германией уделялось революционным силам, пропагандирующим пораженческие настроения и революционные идеи.

Интересные рекомендации по духовной закалке армии и народа, что особенно важно в обстановке современной информационной войны, высказал А.А. Керсновский, посвятивший отдельную XXI главу в своей книге «Философия войны» «Общественному мнению и руководству им». В ней он отмечал: «Создание духа страны — дело Церкви и Школы. Создание общественного мнения — дело печати». Особое «внимание следует обратить на преподавателей родной Истории и Словесности, как способных оказать решающее влияние на формацию учеников». Отравленного слова тогда нечего бояться: страна прикрыта от ядовитых стрел надежной броней. Наоборот, когда в стране нет здорового духа, отравленное слово бьет наповал. Как бы ни напрягало все свои силы правительство, какие бы меры пресечения оно ни предпринимало в борьбе с растлевающим печатным словом — оно эту борьбу проиграет. Ибо нельзя бороться со внешними проявлениями зла, не устранив его первопричины»³⁷.

Духовные последствия войны – неотъемлемый компонент духовной стороны войны. Следует отметить, что не только с точки зрения военной, политической, социально-политической, но и точки зрения духовных последствий, Первая мировая война стала одним из

³¹ Бехтерев В.М. Моральные итоги Великой мировой войны. – Петроград, 1915. – С. 4.

³² Бердяев Н.А. Мысли о природе войны // Биржевые ведомости. - 26 июня. 1915. - №14928.

³³ Сенявская Е.С. "Образ врага" в сознании участников первой мировой войны. - В кн.: Европа и Россия в XIX-XX веках. Сб. научных трудов. М., 1996; ее же. Человек на войне. Историко-психологический очерк. М., 1997.

³⁴ Первая Мировая: «Ничейная земля» памяти. Российская государственная политика памяти в отношении Первой мировой Войны // <http://eot.su/tags/pervaya-mirovaya-voyna>.

³⁵ Гнесь А.А. Первая мировая война как культурная катастрофа // DISPUTATIO: Идеи и идеалы № 1(3), т. 1 • 2010. – С. 45.

³⁶ Уткин А. И. Первая Мировая война — М.: Алгоритм, 2001. — 592 с

³⁷ Керсновский А.А. Философия войны // М.: Издательство «АНКИЛ-ВОИН», РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК, 1995. – С. 82-83.

ключевых событий мировой истории. Потери, понесенные человечеством в ней, были огромны. Но помимо них следствием войны стала гуманитарная катастрофа, тема которой особенно актуальна в современных условиях.

Она открыла невиданные глубины гуманитарного падения, попрания достоинства и ценности человеческой личности, прав человека, проявления беспримерной жестокости, на которые оказался способным человек вопреки всем достижениям цивилизации. «Война есть величайшее бедствие. – писал философ и богослов Сергей Николаевич Булгаков. - Она родит зверство, огрубение нравов, будит в людях низкие инстинкты, толкает к окончательной гибели погибающее. Мы становимся свидетелями глубоких нравственных падений»³⁸.

«В ходе войны именно образованная часть армии оказалась в наибольшей степени выбитой. Такой обескровленной, потерявшей свои лучшие - социально-элитные и образованные кадры, - русская армия подошла к революции»³⁹.

Война сломала судьбы многих людей, в том числе и тех, которые, вернувшись с фронта, не смогли найти достойного места в жизни, заставив заговорить о себе, используя слова Э. Хемингуэя, как о «потерянном поколении» (эпиграф к первому роману «Фиеста. И восходит солнце», 1926). Она фактически разрушила оптимистическую культуру Европы, сделала насилие легитимным орудием разрешения международных споров и инструментом социальных перемен. Она оставила после себя невиданное озлобление народов, выплеснувшееся в отчуждение 20-30-х годов и кровавую драму Второй мировой войны»⁴⁰.

Обобщая имеющиеся представления о духовной стороне войны, следует, на наш взгляд, понимать этот термин как наиболее общее, интегральное понятие, характеризующее всю совокупность явлений и факторов духовной сферы и культуры, связанных с войной. Причем, как влияющих на ее ход и результаты, с одной стороны, так и отражающих обратное воздействие войны на духовные процессы и культуру личности и общества, с другой стороны.

Духовное, как состояние и наполнение индивидуального и общественного сознания, связано со всеми их уровнями: с психологическим уровнем и относящимся к нему чувствами, настроениями, стереотипами сознания индивидов и масс, с идейно-теоретическим уровнем, выраженным в научных теориях, доктринах, общественных идеалах, идейных смыслах и ценностях, политических идеологиях, а также с культурой личности и общества. Применительно к войне духовная ее сторона концентрированно выражается в психологии и идеологии войны, в культурных ее факторах.

С процессуальной точки зрения, применяемой к логике и основным этапам войны, духовная сторона войны выражается в трех характерных аспектах.

Во-первых, в идейно-теоретических и психологических предпосылках подготовки и развязывания войн, в механизмах духовной мобилизации и сплочения населения и армии перед войной.

Во-вторых, в морально-психологическом обеспечении и состоянии воюющих сторон, а также в их духовном противоборстве, предполагающих, с одной стороны, создание и поддержание духовного превосходства собственной армии и народа, а также морально-психологического настроения и воли к победе, а, с другой стороны, подрыв духа и морально-психологической стойкости противника.

³⁸ Булгаков С. Война и русское самосознание, Публичная лекция. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1915. – с.26

³⁹Родачин В.М. Идеология и современные военно-политические процессы. Монография. – М.: ГА ВС, 1995. – 180 с.; Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. — М.: РОССПЭН, 1999.

⁴⁰ Уткин А. И. Первая Мировая война — М.: Алгоритм, 2001. — 592 с.

В-третьих, в духовных последствиях войны, моральных и идейных итогах и уроках, в том числе в торжестве идей, ценностей и смыслов победившей стороны и идейном крахе проигравшей стороны, в психологических травмах и потерях, в культурных деформациях, духовных и гуманитарных кризисах.

Особую роль духовная сторона войны играет в послевоенный период, когда война уже завершена физически, но продолжает свое бытие в исторической памяти народа, в духовно-культурном и научном осмыслении ее хода и исхода, цивилизационного и исторического значения для общества и человечества в целом. И особенно в борьбе идеологий и информационной войне за сознание и мировоззрение молодых поколений. Сегодня это убедительно подтверждает пример Украины, в молодежной среде населения которой получили широкое распространение идеи радикального и агрессивного национализма, русофобства, героизированной бандеровщины, вытесняющие вековые ценности исторического и духовного единства двух братских народов – русского и украинского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006.
2. Бехтерев В.М. Моральные итоги Великой мировой войны. – Петроград, 1915.
3. Брусилов А. Мои воспоминания. - М., 1983.
4. Булгаков С. Война и русское самосознание, Публичная лекция. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1915.
5. Ильин И.А. Духовный смысл войны. – М.: Типография Т-ва А.Д. Сытина, 1915.
6. Керсновский А.А. Философия войны // М.: Издательство «АНКИЛ-ВОИН», РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК, 1995.
7. Краснов П.Н. Душа Армии. Очерки по военной психологии. – Берлин: Медный Всадник, 1927.
8. Родачин В.М. Идеология и современные военно-политические процессы. Монография. – М.: ГА ВС, 1995. – 180 с.
9. Родачин В.М. Диалектика идеологии и войны: учебное пособие. – М.: ВПА имени В.И. Ленина, 1991. – 78 с.
10. Штейфон Б. Уроки русско-японской войны // Русско-японская война. Военный сборник. - 1930. - кн. 11. - с.216 – 227.
11. Уткин А. И. Первая Мировая война — М.: Алгоритм, 2001. — 592 с.

Рецензент: Тымчик Владимир Ильич, д.и.н, профессор, Московский городской университет управления Правительства Москвы.